

— Когда рано утром в дверь постучались, я уж ненароком решил, что корабль горит, — пожаловалась Бай Шици Чжао Цзихэну. — Когда выбежал спросить, в чём дело, его охранники просто сказали, будто Чжао Уцзю внезапно захотелось, чтобы я сопровождал тебя на утренней тренировке. Признайся, твой кузен ненавидит тебя?

Ей пришлось приложить все свои усилия, чтобы, вывернувшись из одного единственного одеяла, всего за минуту одеться, открыть дверь, а потом... оказаться на палубе.

Не то что бы Шици не пыталась избежать этого, но охранники под руководством двоюродного брата Чжао Цзихэна, по всей видимости, не понимали человеческого языка. Просто схватили ее и унесли на палубу.

Сердце Чжао Цзихэна успокоилось.

— Разве ты сам не называл его двоюродным братом? Мои близкие — твои близкие!

Чтобы принять стойку всадника, им пришлось встать против пронизывающего насквозь утреннего ветра. Ещё с тех пор, как Бай Шици начала плавать на север, каждый день она всегда спала до победного. Вырвавшись из-под контроля Бай Чжэньтина, день за днем она проводила неспешно и совершенно не ожидала, что на обратном пути будет вести Чжао Уцзю, этого благородного Будду.

Она начала тренироваться, когда была маленькой, так что у нее был некоторый опыт в стойке всадника, однако Чжао Цзихэн оказался гораздо более неуклюжим. Через некоторое время он зашатался, а затем и вовсе упал прямо на задницу. Прижав руку к копчику, он скривился от боли, не желая вставать.

— Мне больно, больно! — капризно закричал он. — Я больше не могу!

Бай Шици засмеялась.

— Тринадцатый господин, господин Чжао Уцзю сказал, что Вы должны стоять по крайней мере 2 часа, — пробормотал Шу Чанфэн, которому было приказано следить за ним.

Схватив Чжао Цзихэна за воротник, он заставил его встать. Охранник, следивший за ним, внезапно взял прут длиной в вытянутую руку. Стоны Чжао Цзихэна сотрясали даже небо.

***

Среди первых проблесков рассвета корабль плавно плыл по центру реки. На его носу под чутким присмотром Шу Чанфэна и его кнута шатко стояла пара ног Чжао Цзихэна. Его голень несколько раз сильно ударили, и он почувствовал, что не может больше держаться.

Бай Шици, однако, была вполне устойчивой, и время от времени все еще высмеивала его одной или двумя колкими фразами.

Два часа спустя, когда Шу Чанфэн и остальные ушли, оставив Чжао Цзихэна, сидящего на заднице, на палубе, он принялся безмолвно плакать, искренне сожалея об этой поездке.

Вначале его родители уверяли: «Характер Уцзю жесткий как доска. На свидании вслепую, устроенном во дворце, было много девушек, но он не проронил ни слова, чем их и отпугнул. Императрица чувствует, что ты более живой по натуре, и девушки симпатизируют тебе, её идея состоит в том, чтобы позволить тебе сопровождать брата в Цзяннань, чтобы обратиться за медицинской помощью, и попутно ... научить его некоторым вещам».

В свои 16 Чжао Уцзю отправился в приграничную зону в качестве принца. Он круглый год сражался, и теперь его брак стал большой проблемой. Он возвращался в столицу только раз в два-три года, что стало настоящей головной болью для Императрицы. Для своего младшего сына она провела если не 10, то по крайней мере 8 свиданий вслепую, и каждый раз он успешно отпугивал благовоспитанных барышень, пытавшихся завязать разговор, превращаясь в одну неподвижную холодную машину, что приводило к крайне неловкой тишине.

В отличие от кузена, у Чжао Цзихэна с юных лет было много уловок: он умел произносить речи, сладкие, как мед, но, если ситуация требовала того, также мог декламировать стихи о горе. Он владел искусством жить в удовольствие, а на каждом собрании молодежи всегда был в центре внимания, собирая множество поклонниц вокруг себя.

На пятый месяц этого года Великая держава Ся, которая двенадцать лет сражалась с Великой династией Вэй на северо-западной границе, была окончательно побеждена и бежала на запад. В последнем сражении в долине Лю-Ша Чжао Уцзю получил тяжелое ранение и на полмесяца впал в кому. По возвращении в столицу его сопровождал военный врач, и он не смог присутствовать на праздничном банкете.

Каким-то образом придя в сознание в середине пути, он, к сожалению, не мог чувствовать всю область ниже пояса, не мог ходить, не говоря уже о делах, связанных с продолжением родословной.

Нынешняя Императрица воспитала двух детей. Старший был назначен наследным принцем с раннего возраста, а младший сын — принц Чжоу Чжао Уцзю, продолжал разбивать ей сердце.

После возвращения принца Чжао в столицу и имперские врачи, и известные врачи со всего Цзина по очереди приходили в его дворец. Однако минуло несколько месяцев, а болезнь Чжао Уцзю не проходила. Шло время,

Император и Императрица тревожились всё больше и больше и созвали министров, с которыми у них были близкие отношения. Некоторые из них посоветовали Императору вызвать самого известного доктора в мире, чтобы вылечить принца Чжоу. Министр доходов из Цзяннаня Ся Чэнцзе упомянул божественного врача из Цзяннаня Хуан Юби. Однако местонахождение этого

человека большую часть времени было неизвестно, он предпочитал пребывать в одиночестве и, даже если кому-то удалось бы встретиться с ним, чтобы озвучить указ, не было никаких гарантий, что он согласится подчиниться, а потому было принято решение встретиться с ним лично.

Чжао Уцзю решил лично отправиться в Цзяннань, чтобы найти его. Императрица всячески пыталась убедить его не ехать, но, в конце концов, сдалась и из всех членов имперского клана выбрала шустрого Чжао Цзихэна из родственников деда Императора, которые жили в Сучжоу, чтобы сопровождать сына.

— Мать двоюродного брата сказала, что он тихий человек, и что будет хорошо, если я смогу сделать его счастливым, пока буду сопровождать, — он обнял Бай Шици за руку, ненавидя себя за то, что не может по-настоящему заплакать. — Шици, мы можем повернуть корабль назад? Я хочу вернуться в столицу.

Это всё было не похоже на то, что он пытается сделать своего «тихого и страдающего» брата счастливее, скорее его кузен пытался довести его до слёз.

Два друга сели бок о бок на палубе.

— Цзихэн, я искренне сожалею о том, что познакомилась с тобой. — заявила Бай Шици, потрепав Чжао Цзихэна по его непутёвой голове.

Один неверный шаг - это все, что потребовалось, чтобы впустить злое воплощение его тиранического двоюродного брата на борт корабля.

Чжао Уцзю заставил ее встать до восхода солнца, чтобы заняться спортом, из-за чего она была крайне рассеянной - то же Шици ощущала, когда ей пришлось пропустить недельный отпуск во время Дня нации, чтобы последующие 7 дней в обмен отсыпаться. В результате на третий день отпуска руководитель компании схватил ее и отвез на сверхурочную работу, неоплачиваемую сверхурочную работу.

Но не будем о трудностях.

— Я также сожалею о том, что встретился с двоюродным братом.

Чжао Цзихэн полностью понимал друга, а его глаза были полны слез. Они помогли друг другу вернуться в каюты, чтобы вымыться и позавтракать. Ноги Чжао Цзихэна постоянно дрожали, и он сидел в комнате Бай Шици. Даже завтрак, присланный с кухни, напоминал жевательный воск.

В середине трапезы он и вовсе отложил палочки для еды, решительно взбунтовавшись:

— Это не годится, он не может нас так третировать!

— Теперь ты понимаешь! — радостно согласилась Бай Шици.

Никто не должен лишать ее удовольствия поспать.

***

В соседней комнате на столе стояли миска с рисом и несколько гарниров. Волосы Чжао Уцзю были аккуратно причесаны, каждая прядь была на своем месте.

— Как утренняя зарядка? — поинтересовался он, сидя за завтраком.

— Боюсь, что тринадцатый господин никогда раньше не тренировался, он много раз падал, мне приходилось использовать прут, чтобы заставлять его вставать, — откликнулся Шу Чанфэн. — А вот молодой глава Бай, должно быть, практиковался, его стойка была очень устойчивой.

Не ожидавший подобного, Чжао Уцзю приподнял бровь.

— Практиковался? — переспросил он. — И как вам этот Шици?

— Ещё не дрался с ним, — задумчиво ответил Шу Чанфэн, — Не знаю, какие боевые искусства он практикует.

— Найди возможность узнать, — с неожиданным пониманием отозвался Чжао Уцзю. — С первого взгляда этот молодой глава Бай довольно слабый, легкомысленный и скользкий тип, однако он в одиночку отправляется на север, чтобы сопровождать провизию, попутно общаясь с официальными лицами на каждом контрольно-пропускном пункте, можно сказать, он способный.

Зная себя, знай и своего врага. Тогда ты будешь побеждать в каждой битве.

Чжао Уцзю руководил армией много лет, он привык контролировать общую ситуацию; развернуть армию, отправить команду на задание. Ему не нравилось ощущение потери контроля.

Однако все, что говорил о Бай Шици Чжао Цзихэн было приукрашено. Эти двое даже дали клятву и побратались, имея разные фамилии. Чжао Уцзю немного скептически относился к этому.

***

После того, как Чжао Цзихэн закончил завтракать, он набрался храбрости пойти к Чжао Уцзю, чтобы урезонить его, и заодно привел с собой Бая Шици для моральной поддержки.

— Двоюродный брат, ты не можешь позволять Шу Чанфэну приходить и вытаскивать меня из постели, чтобы делать зарядку так рано утром. В моем возрасте уже слишком поздно начинать заниматься боевыми искусствами. Даже если бы я преуспел, я не готов пойти в армию в качестве генерала, зачем мучиться?

— Если у Великой династии Вэй будет такой генерал, как ты, это будет большим позором для армии. — проигнорировал его просьбу Чжао Уцзю, бросив строгий взгляд.

— Двоюродный брат прав. — широко улыбнулась Бай Шици, поддержав его.

— Шици, на чьей ты стороне? — спросил Чжао Цзихэн, переполненный отчаяньем и негодованием.

Он один боролся с этой несправедливостью ради их дружбы. Бай Шици, которая не протянула ему руку помощи, неожиданно начала подлизываться к его кузену:

— Но ведь двоюродный брат сказал правду. — заметила она.

— Если вам больше нечего сказать, Чанфэн проводит вас. — не находя лести удовлетворительной, нахмурил брови Чжао Уцзю.

Бай Шици молчаливо застыла.

Унизительно было быть выгнанной ещё в первом раунде: до того, как оружие было обнажено. Особенно когда враг был человеком высокомерным и совсем не снисходительно относился к другим.

Бай Шици была недовольна.

***

Рано утром на следующий день Шу Чанфэн вытащил Чжао Цзихэна из его кровати, чтобы тот принял стойку всадника, однако другой человек, который отправился вытащить Бай Шици, вернулся без результата.

Двое охранников, которые следили за Чжао Уцзю в течение многих лет, неожиданно недооценили Бай Шици:

— Мы не можем найти Молодого главу Бай.

— Что значит вы не можете его найти?

— Дверь в его каюту легко открылась, но на кровати спит рабочий, а не Бай Шици.

Лицо Шу Чанфэна начало зеленеть:

— Вы спросили рабочего, где он? Разве он мог покинуть корабль и сбежать?

Глаза Чжао Цзихэна засияли, и он упал на кровать.

— Шици пропала без вести, — сказал он, — Никто не будет сопровождать меня в тренировке. Я просто продолжу спать.

— Тринадцатый господин, если Вы будете лениться, Вас ждет прут! — Шу Чанфэн стиснул зубы.

Чжао Цзихэн с трудом оторвал свое тело от кровати. С мрачным лицом он надел свою одежду, готовясь к упражнениям.

***

Был почти полдень, когда Бай Шици наконец появилась. Никто не знал, в какой каюте она отдыхала прошлой ночью.

Чжао Уцзю послал кого-то пригласить ее поговорить.

— Шици, — сердито посмотрел на нее Чжао Цзихэн, стоило ей войти. — Я напрасно обращался с тобой как с братом! Наслаждаемся поездкой мы вместе, но невзгоды переношу я один, ты даже не позвал меня спрятаться вместе!

Она вытянулась, мягко сев на кресло, как будто тело её было бескостным.

— С возрастом человеку требуется всё больше и больше сна, я не знаю, зачем я понадобился двоюродному брату, — слабо зевнула Шици. — Цзихэн, ты должен поблагодарить кузена за его кропотливые усилия, он не может видеть, как ты тратишь впустую свое время, поэтому он послал человека, чтобы направлять тебя. Основная цель здесь — ты, я просто сопровождающий. Если бы двоюродный брат позволил кому-то передать тебе некоторые уникальные навыки, а я осталась бы наблюдать, это бы означало, что я пользуюсь доброй волей двоюродного брата, не так ли?

Чжао Цзихэн потерял дар речи от ее слов.

Впечатления Чжао Уцзю о Бай Шици изначально были плохими, но теперь он добавил еще один штамп — «с острым языком» — на ее лоб.

— Тебе не нужно избегать стойки всадника, — сказал он решительно. — У меня нехорошо на душе, когда я, его близкий друг, вижу Цзихэна, изо всех сил пытающегося принять стойку всадника, — Бай Шици лукаво улыбнулась. — Я лично никогда не видел, чтобы кому-то это давалось так тяжело, его ноги дрожат и поза его совершенно неправильна. Глядя на своего высоким и могучего друга, которому причиняют вред, я всем сердцем переживаю за него, поэтому я могу выбрать только один альтернативный путь — избегать этого. Я также делаю это из соображений наших братских чувств. Цзихэн, ты должен понимать. — добавила она участливо.

Чжао Цзихэн чуть не убежал в слезах. Очевидно, что двоюродный брат испытывал его, но даже его близкий друг Бай Шици бросил и высмеял его. Этот день был поистине невозможным!

<http://tl.rulate.ru/book/51381/1301788>